

Борис Ванталов

Из книги "БОЛОТНОЕ СЕРЕБРО"

(семнадцать стихотворений)

1.

Снял очки. Мир так занятен,
непонятен и красив,
состоит из разных пятен
в разной степени живых!
Вот пятно блуждает папа
и роняет звуки слов.
Вот пятно плывет Анапа,
вот летит пятно тамбов.
Кошка книгой пробежала,
книга кошкой прилегла.
Без конца и без начала
ярких пятен чехарда.
Этот мир калейдоскопа
объяснить никак нельзя.
Вот плывет пятно европа,
вот летит пятно земля.

1976

2.

Брат облаков, камней и мотыльков,
далекий сын праматери Свирели,
я говорю на языке цветов,
слова влагая в тело птичьей трели.
Переплелись загадочно во мне
миров Господних трепетные нити,-
я музыка, живущая в огне,
песчинка во вселенском сите.

И век за веком в тигеле земли
Бог разлагает плоть Иова,
пока не воспарит из грязи и пыли
серебряное дышащее Слово.

1978

3.

Неизреченная есть в слове благодать,
она несет способность воскрешенья,
она душе поможет отыскать
в пустыне памяти цветущие растенья.
И перебрав бывшего лепестки,
вновь пережив минувшего мгновенья,
алхимик получает из тоски
опийный мак стихотворенья.

1976

4.

Как утончилась жизни нить,
как поредело вдруг пространство,
и время перестало быть:
смерть обретает постоянство.
Координаты "где - когда"
свое утратили значенье...

Душа - бамбук. Она пуста
и безмятежна как растение.

1976

5.

Я снов чужих запутанный клубок
и дальних голосов чуть слышимое эхо,
порывами космического смеха
носимый по миру листок.

Теперь мне дом - вода и Петербург,
читаю тайнопись каналов.
Листает с любопытством демиург
петровской фауны каталог.

1976

6.

Паутинка, шелковая речка,
в молоке тумана берега.
Теплится лазоревая свечка
в черном необъятном Никогда.
Молится кузнечик у палатки,
языками щелкает костер,
желтые кленовые перчатки
освязают мировой простор.

1977

7.

Явление радуги

Плывут фантомами воды
стальные замкнутые тучи.
До нитки вымокли мосты,
а дождь все яростней и круче!

Все больше блюдечек-амёб
толчется на сырой панели,
и люк вбирает словно зоб
частополосицу капли.

Цветной октавою дождя
взметнулась радуга над крышей.
Твое ли я, мираж, дитя?!
Ответа нет, но дождь стал тише.

1977

8.

Я пыль, я ладан старых книг,
я шорох шепота страницы.
Из праха, пепла вновь возник
нетленный образ вещей птицы.
Я знаю все, я знаю всех,
отверзлись потайные двери.
Стихи чисты, как смерть и смех,
они воспитаны на вере.

1977

9.

Туманное круглое море,
даосский космический чай!
Чайники в небесном просторе
просыпал Господь невзначай.
Какая крутая заварка!
Галактик шипит кипяток.
Но плоть — ненадежная барка,
и мысли плывут на восток.

1977

10.

Расплавлен золотом небес
в прозрачном омуте стакана
чайнок черный благовест.

Клубами всходит фимиама.
На дне горячего колодца
я созерцаю чаньский храм.

1976

11.

Вино - Христос, а чай - далекий Будда,
наш позвоночник - из Уральского хребта.
Восток и Запад выковали чудо
азийско-европейского креста.

1976. 1977

12.

На улице пыльное лето.
В душе поселилось Ничто.
Горящая мчится карета.
Японец. Безумец. Кокто.
Помоек отчаянный запах.
Младенцев разнузданный визг.
У девочки в розовых лапах
покоится "Оливер Твист".

1976

13.

Угрюмый город дьявольски простужен,
Нева застыла будто в столбняке.
Парят над титулованною лужей
и отдыхают чайки в гамаке
свинцовых вод чухонского залива.
Цежу вино армянского разлива,
подслеповатыми глазами озираю
морскую даль и, кажется, зеваю.
Тростник полощется в воде.
Грущу о выпитом вине,
о том, что не горит нигде
мне свет теперь ни в чьем окне...
В обратный отправляюсь путь,
чтобы идти куда-нибудь.

И страшно мне, и скучно, и забавно
следить полупустой состав товарный,
из недр столицы бывшей православной
везущий Дао.

1976

14.

Атлантида моя, Петербург,
погружается тихо на дно;
и не Петр уже, а Панург
на тот свет прорубает окно.

В гальванической ванне болот
растворится стихов серебро.
Поплывет, разбухая, урод
по летёским каналам метро.

Вновь кощунствует в городе день,
многоликий чудовищный бред.
Где-то мчит по лесу олень,
оставляя серебряный след.

1976

15.

Трепещет миров паутина,
колышется звездный узор,
пылится вселенной машина
как старый бухарский ковер.

Запутанный узел сознания
распустит когда-нибудь Ткач,
и к Хаосу вновь на свиданье
покатится космоса мяч.

1976

16.

Дребезжит автобус угорелый,
верещит крылатое зверье,
движется бессмысленное тело,
завернувшись в старое тряпье.
Кашляют простуженные мысли,
слышатся подземные толчки!
Господи, прошу Тебя, зачисли
нехриста в Твои ученики.

1977

17.

Мыльный шар летит, сверкая,
вниз с балкона в темноту,
фонарями из Китая
украшаю Пустоту.

Наполняет чай индийский
теплый колокол фарфора,
и желтеет глаз буддийский
на палитре светофора.

Мыльный шар летит, сверкая,
вниз с балкона в темноту.

1977